
Ребёнок,
которого ты
НЕ ХОТЕЛ
Яна
Дмитриева
Приглашение
на свадьбу

Яна Дмитриева
Ребёнок, которого ты не хотел

https://litres.ru/74822862
SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не люблю тебя. Я не хочу этого ребёнка».

Эти слова Анна услышала от жениха накануне свадьбы. Вместо обручального кольца — предательство. Вместо медового месяца — больничная палата и страх потерять малыша.

Олег уверен, что она одумается и избавится от «проблемы». Мать твердит, что одной ей не справиться. Даже лучшая подруга оказывается не той, за кого себя выдаёт.

Но Анна уже сделала выбор. Она сохранит ребёнка, даже если ради этого придётся начать жизнь с нуля.

Только кому теперь верить? Обаятельному парню, обещающему вернуть ей радость жизни? Или суровому врачу, за холодностью которого скрывается собственная трагедия?

А когда мужчина, отказавшийся от ещё не рождённого сына, внезапно решит стать отцом, Анне придётся снова бороться за своё счастье.

Он не хотел этого ребёнка. Но именно этот малыш изменит всё.

Содержание

Глава 1. Накануне свадьбы — конец сказки 4
Глава 2. Диагноз, давление и новые лица 16
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Яна Дмитриева
Ребёнок, которого ты не хотел

Глава 1. Накануне свадьбы — конец сказки

Анна всегда думала, что самый счастливый день в её жизни будет пахнуть белыми розами, ванильным кремом и свежим утренним воздухом, который врывается в приоткрытое окно с видом на город. На практике он пах дешёвыми шарами с гелием, лаком для волос и нервами.

— Только не трогай эти цветы, — сказала она маме, поправляя одну из роз в букете. — Эти на стол молодожёнов.

— Какие «молодожёнов», — фыркнула мама. — Ты уже и так как жена живёшь. Вот подпишете — тогда и поговорим.

Анна улыбнулась, привычно пропустив сквозь уши. В груди, под рёбрами, тихо толкнулось. Она автоматически положила ладонь на живот — пока ещё почти незаметный под свободным свитером — и чуть улыбнулась по-настоящему.

«Подпишем», — подумала она. — «И ты узнаешь».

Она собиралась сказать Олегу после росписи. На выходе

из ЗАГСа, когда рис будет хрустеть под туфлями, а кто-нибудь из друзей заорёт: «Горько!». Она представила, как берёт его за руку, отводит в сторону от шумной толпы и шепчет: «У нас будет ребёнок».

Он удивится, обнимет, подхватит её на руки, как в кино. Она заранее боялась расплакаться от счастья.

— Ты где? — В сообщениях мигнуло: «Олег #».

«На базе у флористки, спасаю твой вкус», — хотела ответить она иронично, но остановилась. Он любил, когда всё «по делу».

Олег:«Я задержусь. Встреча по работе затянулась. Не паникуй.»

Она вздохнула. Работа, естественно. Даже накануне свадьбы.

С одной стороны — раздражало. С другой — было в этом что-то успокаивающее: стабильный, собранный, серьёзный. Не человек, а железобетон.

Ещё один толчок в животе. Её маленькая тайна отлично выбирала моменты.

К вечеру квартира превратилась в склад счастья: коробки с декором, пакет с фатой, туфли на каблуке, в которых она уже прокляла всё, но упорно убеждала себя, что «один-то день потерплю». На столе — торт в коробке: репетиция перед настоящим, свадебным.

Подруга Даша, развалившись на диване, листала ленту в телефоне и время от времени комментировала:

— Вот, смотри, у них фотозона была с живыми птицами. — А у этих — выездная регистрация в Италии. — А у тебя — Дом бракосочетания 3. Самая романтика.

— У меня будет лучший жених, и этого достаточно, — отрезала Анна, хотя сама себе прозвучала немного как рекламный слоган.

Даша фыркнула:

— Ты так говоришь, как будто его рекламируешь, а не любишь.

— Иди к чёрту, — беззлобно ответила Анна и пошла на кухню налить себе чай.

Она открыла холодильник, взглянула на бутылку шампанского, стоявшую на видном месте, и машинально повернула её этикеткой назад. Все привыкли к тому, что она не пьёт, — «подготовка к свадьбе», «фигура», сто причин. Только настоящая была в карте беременной, которую она прятала в ящик стола.

Телефон завибрировал на столешнице. Олег.

— Алло?

— Анна, ты дома? — голос был уставший, но ровный.

— Да. Ты приедешь? У нас же торт, помнишь? И Даша здесь.

— Я не смогу. Я уже почти у Леры, — сказал он.

Имя прозвучало мимо сознания, как случайный шум. Анна моргнула.

— У кого?

— У Леры, — спокойно повторил. — Ну… блондинка твоя, с работы. Ты её видела, я рассказывал.

Она видела. Высокая, худая, с идеальными локонами и чуть растерянным взглядом. Анна записала её в голове как «младший клон Барби», не более.

— А… — в горле пересохло. — А что ты у неё делаешь?

— У нас дело, — ответил он слишком быстро. — Мы по рабочему проекту, я же говорил. Составляем презентацию.

Анна почувствовала, как внутри что-то нехорошо напряглось.

— Олег, уже восемь вечера. Накануне нашей свадьбы. Можно было… не знаю… сегодня без презентаций?

— Ты опять начинаешь, — устало бросил он. — Это важный проект. И вообще, не устраивай сцен. Мы поженимся, у нас ещё будет миллион вечеров.

Она механически сказала «ладно» и отключилась первой, чтобы не услышать в ответ раздражённый вздох.

— Он что? — высунулась из комнаты Даша. — Опять не приедет?

— Работает, — Анна поставила чашку на стол и почти сразу её опрокинула; чай пролился, обжёг пальцы. — Всё нормально.

«Нормально», — повторила она мысленно, глядя на растекающееся пятно, которое очень напоминало ей её жизнь.

Ночью ей не спалось. Мама ушла к себе, Даша уехала, дом притих.

Анна ходила по комнате, собирая по коробкам мелочи: булавки, ленточки, приглашения, список гостей. Телефон лежал на диване, как брошенный.

Сообщений от Олега не было.

Она открыла мессенджер сама. Пальцы почти автоматически набрали: «Ты дома?» — потом стерли. «Мы завтра расписываться идём. Ты где?» — тоже стерли.

«Я беременна» — задержалось дольше всех, но и оно исчезло, не успев стать реальностью.

Она закрыла глаза и, не выдержав, открыла общий чат с коллегами, куда недавно закинули фото с корпоратива.

Прокрутила вверх. Вот она и Олег, он держит её за талию, а она делает вид, что не замечает, как Лера стреляет глазами рядом. Вот Олег и Лера, смеются над чем-то, наклонившись слишком близко друг к другу. Анна тогда сказала себе: «просто удачный ракурс».

Она почти пролистала дальше, но на секунду задержалась.

Новое сообщение. Только что.

Она ткнула в него, даже не осознав, что делает.

Видео. Кто-то снимал на телефон: понятно, по кривому горизонту и рваному фокусу. Лера в чьей-то футболке стоит у плиты и жарит блины, смеётся, встряхивает волосами. Чей-то мужской голос за кадром говорит: — Лер, я же говорил, ты создана для кухни.

Голос был слишком знакомый. Олег.

Он подходит к ней сзади, обнимает за талию и целует в

шею. Она визжит, вытирает мукой ему щеку. Закадровый смех. Чей-то комментарий: — Идеальная семейка!

Видео оборвалось.

Анна ещё несколько секунд смотрела в телефон, не мигая. Потом отложила его на диван и села рядом, аккуратно, как будто боялась потревожить этот миг… или себя.

Разум, как всегда, попытался всё объяснить:

«Может, это старое? Может, шутка? Может, дурацкий розыгрыш?»

Но под рёбрами ребёнок толкнулся так резко, будто протестуя против этих «может».

Она перемотала чат вверх и проверила дату. Видео было помечено сегодняшним числом, пару минут назад. Кто-то уже успел поставить эмодзи «сердечко» и «огонь».

Её ладони стали ледяными.

Телефон снова завибрировал. Личное сообщение.

Олег:«Анна, нам нужно поговорить. Сейчас. Можешь открыть дверь?»

Она машинально посмотрела на входную дверь, будто он уже стоял за ней. Сердце рванулось в горло.

Олег действительно стоял в коридоре через две минуты. Растрепанный, уставший, с той самой мукой на рукаве рубашки, которую Анна только что видела в видео. Запах — чужой кухни, чужих духов, не её квартиры.

— Ты не спишь, — констатировал он.

— Похоже, не только я, — ответила она, удивившись, как

ровно прозвучал её голос.

Он прошёл в комнату, не разуваясь. Оглядел коробки, платье в чехле, свадебные мелочи. Вздохнул.

— Я не хочу тянуть, — сказал он. — Завтра свадьбы не будет.

Сначала она даже не поняла смысл. Слова как будто пролетели мимо, ударившись о стену.

— Что? — выдохнула.

— Я не могу на тебе жениться, Анна, — проговорил он медленно, как будто читая по бумаге. — Это неправильно.

— Неправильно… что? — она ухватилась за слово, как за край стола.

— Всё. Мы. — Он потер переносицу. — Я… я люблю другую.

Имя «Лера» повисло между ними, хотя он его ещё не произнёс.

— Ту, которая создана для кухни? — голос предательски дрогнул. — Или для корпоратива?

Он резко поднял глаза.

— Ты уже видела, да…

— Вся компания уже видела, — сухо сказала Анна. — Только невеста, как обычно, последней.

Он помолчал, потом пожал плечами:

— Лучше сейчас, чем через год. Ты сама понимаешь. Мы давно отдалились. Ты всё время… — он запнулся, — всё время что-то требуешь, эмоций, разговоров. Мне тяжело.

Её даже рассмешило. «Требуешь разговоров» — страшный женский грех.

— А Лера не требует? — спросила она.

— Лера другая, — в его голосе зазвучало что-то мягкое, впервые за вечер. — С ней легко. Она не давит. Она… она только начинает жить. У нее нет этих… установок.

«Установок», поняла Анна, — это семья, ответственность и, вероятно, беременность.

Она посмотрела на него, на его уверенное, чуть надменное лицо, и вдруг почувствовала почти физическую усталость. Словно последние месяцы она несла на себе не только ребёнка, но и его.

— Ты хочешь мне что-то сказать ещё? — спросила она. — Кроме того, что бросаешь меня ночью накануне свадьбы ради Леры?

Он отвёл взгляд.

— Анна… — начал, но потом сделал вдох и сказал целиком: — Я не хочу ребёнка.

Эти четыре слова ударили сильнее всего.

— С каким именно уточнением? — спросила она. — Вообще не хочешь детей в жизни? Или не хочешь этого конкретного, от меня?

Он промолчал. Ответ был очевиден.

Она потянулась к столу, открыла ящик и достала оттуда сложенную пополам карту беременной. Положила перед ним, как козырь.

— Поздравляю, — сказала она. — Ты официально не хочешь собственного ребёнка. Семнадцать недель. Завтра я должна была сказать тебе, что ты будешь отцом.

Олег побледнел.

— Ты… ты беременна? — глупый вопрос, но в нём было ещё что-то: расчёт, паника, раздражение.

— Да, — кивнула Анна. — И нет, я не собираюсь делать аборт, если ты сейчас об этом подумаешь.

Он сжал губы.

— Это безответственно, — сказал он. — Ты понимаешь, что сейчас лучшее решение — прервать беременность? У тебя нет нормального дохода, я… я не готов. Мы расстаёмся. Ты потащишь на себе всё одна.

— Слушай, как красиво звучит: «лучшее решение» — почти как в презентации, — сказала она. — Ты это с Лерой уже обсуждал или хочешь потренироваться на мне?

— Не надо цинизма, — резко бросил он. — Я пытаюсь говорить с тобой честно. Я не люблю тебя. Я не хочу этого ребёнка. Так будет лучше для всех.

— Для всех — это для тебя и Леры, — уточнила она.

— Для тебя тоже, — упрямо повторил он. — Ты найдёшь нормального мужчину, ещё родишь, по плану…

— Стоп, — Анна подняла руку. — Ты сейчас серьёзно пытаешься продавать мне аборт как услугу, чтобы ты мог спокойно строить «счастливую семейку» с Лерой?

Он уже начинал злиться:

— Ты всё переворачиваешь. Я говорю про будущее. Ты не справишься одна. Зачем тебе рушить себе жизнь? Ты молодая, ты…

— Я достаточно взрослая, чтобы понимать, что только что выяснила, с кем собиралась расписаться, — перебила она. — Так что не переживай: жизнь ты себе только что убрал из моей.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на стыд, но он быстро спрятал его за привычной холодной логикой.

— Делай как знаешь, — сказал он. — Но я предупреждал. Если ты оставишь ребёнка, я не смогу… я не беру на себя ответственность.

— Нет, — тихо ответила Анна. — Это я тебя предупреждаю: ты уже не берёшь.

Он отвернулся, словно не выдерживая её взгляда, подошёл к двери.

— Документы в ЗАГС я отменю, — сказал он. — Я возьму это на себя.

— Спасибо, — кивнула Анна. — Хоть где-то взял.

Он дёрнул ручку и вышел, хлопнув дверью сильнее, чем требовалось. Звук прошёлся по стенам, по полкам, по её нервам.

В квартире стало непривычно тихо.

Анна стояла посредине комнаты с руками, бессильно опущенными вдоль тела. Глаза сухие, будто слёзы застряли где-то в позвоночнике.

«Вот и всё», — подумала она. — «Сказка закончилась ещё до того, как успели вынести торт».

Под рёбрами ребёнок снова пошевелился, напоминая: сказка закончилась, но жизнь — нет.

Она шагнула к дивану — и мир вдруг поплыл. Воздух стал тяжелым, как вода, звуки отдалились. В ушах зашумело, в глазах потемнело.

Последнее, что она почувствовала — резкую боль внизу живота и липкий страх:

«Только не ты. Только не с тобой».

Сирена казалась частью сна. Красный свет мигал за прикрытыми веками. Чьи-то голоса:

— Давление падает. — Угроза. Срочно в стационар. — Не даём ей потерять сознание.

Она попыталась что-то сказать, но язык не слушался. Лишь выдавила:

— Ребёнок… пожалуйста…

— Мы постараемся, — ответил спокойный мужской голос, незнакомый.

Потом был коридор, запах антисептика, холод каталок. Чьи-то быстрые шаги, хлопки дверей.

В палате над ней склонился мужчина в белом халате. Высокий, с уставшими, но внимательными глазами. Не тот усталый, как у Олега, — другой. Взгляд человека, который много раз видел границу между «успели» и «опоздали».

— Вы Анна? — спросил он. — Я ваш дежурный врач. Ки-

рилл Сергеевич. — Ребёнок… — хрипло повторила она.

Он посмотрел на монитор, на её карту, быстро, без суеты.

— Сейчас важны вы оба, — сказал он ровно. — Дышите. Мы стабилизируем состояние. Вам нужно будет лежать и слушаться. Спорить — потом.

Она впервые за ночь позволила себе закрыть глаза. Не потому, что верила ему — потому что больше не было сил никому верить, кроме того, кто в этот момент держит твою жизнь на капельнице.

«Значит, так, — подумала она напоследок. — Завтра у меня не будет свадьбы. Зато, возможно, будет шанс».

Где-то внутри, очень глубоко, ребёнок едва ощутимо толкнулся, будто соглашаясь.

Глава 2. Диагноз, давление и новые лица

Утро началось с цифр.

— Давление нестабильное, — констатировала медсестра, глядя на аппарат. — Пульс высокий. Стресс был?

Анна смотрела в потолок и думала, что вопрос про «стресс» звучит почти издевательски.

— Немного, — ответила она.

«Меня просто бросили перед свадьбой и предложили сделать аборт. Так, ерунда».

Дверь в палату открылась, и вошёл он — тот самый врач с ночи. Белый халат, папка в руках, спокойный взгляд, который как будто всё уже про тебя знает и даже не удивлён.

— Доброе утро, Анна, — сказал он. — Как самочувствие?

— Жива, — пожала она плечами. — Остальное по списку.

Он не улыбнулся. Подошёл, проверил показатели, заглянул в карту, аккуратно потрогал живот.

— Боль есть?

— Ноющая. И ещё… — она запнулась, — страшно.

— Страх — нормальная реакция, — спокойно сказал он. — А вот то, как вы живёте, — не очень.

Она дернулась.

— Как я живу?

— Накануне свадьбы, в состоянии хронического стресса, с угрозой по беременности, вы остаётесь дома одна, — он перечислял без эмоций, как пункты диагноза. — Нам это закончилось вызовом скорой. Выкуриваете по пачке в день?

— Я не курю, — обиделась Анна.

— Уже хорошо, — кивнул он. — Но нервная нагрузка даёт примерно тот же эффект.

Он отодвинулся на шаг, скрестил руки.

— Ситуация такая, Анна: у вас угроза прерывания. Ребёнок сейчас держится за жизнь лучше, чем вы за голову. Если хотите его сохранить — придётся самого дорогого любовника в вашей жизни временно выгнать.

— Это кого? — не поняла она.

— Стресс, — коротко ответил он. — Постельный режим, минимум нагрузок, никаких эмоциональных американских горок. И контроль — мой, регулярный. Иначе — вы знаете последствия.

«Знаю», — подумала она. Кровь на простыне, сирена, чужой голос над ухом.

— А если… — она сглотнула. — Если я не потяну?

— Что именно? — он смотрел прямо.

— Всё это. Одна. Без… — «без Олега» застряло в горле. — Без поддержки.

Он помолчал пару секунд и вдруг спросил:

— Отец ребёнка в курсе беременности?

— Теперь — да, — ответила она и сама удивилась, как

спокойно прозвучало. — И он очень «за» то, чтобы я всё это закончила.

Кирилл хмыкнул, но без улыбки.

— У вас есть семья? Мама, родные?

— Мама есть, — Анна вздохнула. — Насчёт «поддержит» — вопрос.

— Ладно, — он закрыл карту. — Я врач, а не семейный психолог. Моя задача простая: объяснить вам, что выбор у вас сейчас в любом случае есть. Первый — вы идёте и делаете так, как вам говорят испуганные люди вокруг. Быстро, «разумно», без гарантий, что потом сможете простить себе. Второй — вы принимаете, что будет тяжело, страшно и местами очень одиноко, но оставляете ребёнка и соглашаетесь жить аккуратно.

— А третий? — мрачно спросила она.

— Третьего нет, — честно сказал он. — Фантастика — не мой профиль.

Она посмотрела на него. В нём не было ни жалости, ни морализаторства — только эта сухая честность, которая почему-то успокаивала больше, чем любые «всё будет хорошо».

— Я уже выбрала, — тихо сказала она. — Я не сделаю аборт.

Он кивнул, как человек, который услышал ожидаемый, но всё равно важный ответ.

— Тогда мы работаем в одной команде, — сказал он. — Вы — не герой, я — не спаситель. Вы делаете своё, я — своё.

Ладно?

Она впервые за долгое время почувствовала, что её не уговаривают, не давят, не манипулируют, а просто ставят условия сотрудничества.

— Ладно, — повторила она.

Мама ворвалась в палату ближе к обеду — в буквальном смысле ворвалась. Сначала распахнулась дверь, потом послышалось:

— Где моя девочка? Анют, господи…

Анна уже приготовилась.

— Мам, я жива, — сказала она, когда та кинулась к кровати и схватила её за руку. — Успокойся, пожалуйста.

— Как успокоиться?! — мама была в своём репертуаре: громкая, эмоциональная, с набором классических фраз. — Даша всё рассказала! Этот… этот… — она беспомощно замахала руками, подбирая слово, — мерзавец! В ночь перед свадьбой! Ты понимаешь, что люди скажут?

Анна устало усмехнулась.

— Мама, я вчера почти умерла, а ты сейчас переживаешь за то, что скажут люди. В приоритете ничего не хочешь поменять?

— Да при чём тут люди! — обиделась мама, хотя было видно, что как раз люди и при чём. — Я про тебя! Ты же одна теперь! Одна, Аня! С ребёнком! Без мужа, без стабильности…

— Ребёнок тут, между прочим, ни при чём. И один — не

он, — спокойно сказала Анна. — Его я как раз собираюсь оставить.

— Что значит «оставить»? — мама резко замолчала, глаза расширились. — Ты что, беременна уже?!

«Сюрприз не удался», — подумала Анна.

— Да, — коротко ответила она. — Семнадцать недель.

— Господи… — мама села на край стула. — И ты мне ничего не сказала?!

— Хотела сказать после росписи. Было бы красиво, да? — голос предательски дрогнул. — Невеста, шарики, «горько», и тут: «Олег, ты будешь папой».

— Олег… — мама вжалась спиной в спинку стула. — Он знал?

— Узнал вчера. И сразу предложил мне «лучшее решение», — Анна показала кавычки пальцами. — Аборт. Потому что он «не готов».

Мама сжала губы. Несколько секунд в палате было тихо.

— Аня, — начала она, и по тону Анна уже поняла, куда всё идёт. — Давай без эмоций. Дочка, ты сама подумай. Ты одна. Работы нормальной нет. Жильё съёмное. Олег ушёл — и не вернётся. Ты хочешь всю жизнь быть матерью-одиночкой?

— Сейчас я хочу быть матерью, точка, — ответила Анна. — Не одиночкой, не героиней сериала. Просто матерью. Конкретного ребёнка. Который уже есть.

— Но ты разрушишь себе жизнь! — мама почти вскрик-

нула.

— Мам, — Анна почувствовала, как внутри поднимается усталый гнев. — Жизнь мне разрушил не ребёнок. А человек, который решил, что мой аборт — удобная кнопка «отмена» для его новой истории с Лерой. Если ты хочешь поддержать — поддержи. Если хочешь кричать — у тебя есть для этого кухня дома.

Мама обиделась, как умела:

— Я только добра тебе хочу. Я не хочу видеть, как ты мучаешься. Ты думаешь, это легко — воспитывать ребёнка одной? Ты ж меня потом будешь во всём винить!

— Если я сейчас сделаю аборт, я буду винить только себя, — ровно сказала Анна. — И тебя — за компанию. А если оставлю — буду бороться, и да, мне понадобится помощь. Но это хотя бы жизнь, а не чистый лист под Олега.

Мама посмотрела на неё так, будто перед ней вдруг оказалась не дочь, а чужая взрослая женщина.

— Я… — она запнулась. — Я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — попросила Анна. — Просто не уговаривай меня убить собственного ребёнка. На этом этапе этого уже достаточно.

Мама помолчала ещё, потом тяжело встала.

— Ладно, — сказала она. — Делай как хочешь. Ты у меня всегда упрямая была. Но когда станет совсем плохо — не говори, что я не предупреждала.

Она вышла, чуть сильнее хлопнув дверью, чем надо. На

секунду Анне показалось, что она видит вчерашнюю сцену снова — только мужская спина сменилась на материнскую.

В палату заглянула медсестра.

— Всё нормально? — спросила.

— Да, — Анна выдохнула. — Просто семейный консилиум.

Дни потянулись одинаковыми полосами: капельницы, анализы, сон, короткие разговоры с соседкой по палате, телефон, который она всё реже брала в руки.

Олег не писал. И хорошо.

Даша писала. И плохо.

Даша:«Ну он, конечно, мудак, но ты же понимаешь, что ребёнок от него… ну… Ань, ты уверена?»

Анна смотрела на экран и ловила себя на том, что перестаёт отвечать.

С Кириллом они виделись каждый день. Он приходил с обходом, задавал те же вопросы, проверял показатели и каждый раз вёл себя так, будто никакой бытовой драмы вокруг не существует — только медицина и факты.

— Температура в норме. Давление выровнялось. УЗИ — без ухудшений, — перечислял он.

— То есть мы молодцы? — иногда пыталась пошутить Анна.

— Это ваша базовая норма, а не подвиг, — отвечал он. Но в голосе с каждым днём появлялось чуть больше тепла.

Однажды она не выдержала и спросила:

— Вы всегда такие… прямые?

— А какими вы меня хотите видеть? — он поднял бровь. — Нежным психологом?

— Иногда не помешало бы, — буркнула она. — Знаете, меня тут бросили, на минуточку.

— Я знаю, — спокойно ответил он. — И именно поэтому вам сейчас нужен не человек, который будет рассказывать, какой ваш бывший подлец, а тот, кто скажет, что вам делать, чтобы ребёнок выжил. Нравится вам это или нет.

Она поймала себя на том, что не может возразить. И это раздражало больше всего.

Выписали её через две недели.

Диагноз звучал сухо: «беременность 19 недель, угроза прерывания снята, требуется щадящий режим, динамическое наблюдение». По-человечески это означало: «дом — больница — дом, никаких геройств».

Кирилл на выписке протянул ей лист с рекомендациями.

— Читайте внимательно, — сказал он. — И не спорьте.

— А если мне что-то не понравится? — спросила она по привычке.

— Тогда можете искать другого врача, — ровно ответил он. — Но ребёнок уже привык ко мне. Не советую травмировать.

Она фыркнула, но лист взяла аккуратно, как что-то по-настоящему важное.

— Я должна к вам на приём записываться? — уточнила

Анна.

— У вас уже стоит график, — он указал на карту. — Раз в неделю минимум. Если что-то пойдёт не так — не звоните подругам, не гуглите, а звоните в регистратуру и приезжайте.

Она кивнула, попыталась собрать вещи так, чтобы не выглядеть растерянной. Не получилось.

— Анна, — позвал он, когда она уже направилась к двери. — То, что вы остались одна — это факт, а не характеристика. Не делайте из него татуировку на лбу.

— А вы откуда знаете, что я её уже мысленно набила? — попыталась улыбнуться она.

— Лицо ваше — он едва заметно пожал плечами. — Оно говорит громче слов.

На этом их диалог закончился. Но его фраза почему-то запомнилась лучше, чем все рекомендации по режиму.

Возвращение домой оказалось хуже, чем больница.

Там были шумы, люди, медсёстры, которые сочувственно ворчат, соседка по палате, рассказывающая про своего третьего внука.

Здесь — тишина, пустой вешалочный крючок там, где ещё вчера висела мужская куртка, и зеркало в прихожей, в котором отражалась девушка в слишком свободной куртке и с белым пакетом анализов в руках.

Анна прошлась по комнатам, как по музейной экспозиции своего бывшего будущего. Свадебное платье в чехле она глазами обошла стороной.

Телефон пиликнул.

Мама:«Ты доехала?»

Она коротко ответила: «Да».

Через пару минут — ещё.

Мама:«Я подумала… Если ты всё-таки решишь… ну… Я найду хорошую клинику. Не в этом ужасном вашем районе».

Анна вздохнула, положила телефон экраном вниз.

— Мы с тобой уже решили, — сказала она вслух, погладив живот. — Всё, голосование окончено.

Ребёнок никак не отреагировал, но ей стало чуть легче.

Через неделю Анна пошла на приём к Кириллу по графику.

Очередь в консультации была как всегда: тянущаяся, шумная, с запахом дешёвого парфюма и крепкого чая из автомата.

Она устроилась на пластиковом стуле, достала книгу, пытаясь отвлечься. Рядом две женщины активно обсуждали, как «муж теперь носит на руках», третья жаловалась, что «он опять уехал в командировку». Анна поймала себя на том, что считает это чужими языками.

— Свободно? — вдруг услышала она мужской голос.

Она подняла глаза.

Перед ней стоял парень лет двадцати, с рюкзаком через плечо и бейджиком на шнурке, который болтался на уровне груди. На бейджике было написано: «Егор. Студент-практикант».

— Вроде да, — сказала Анна, отодвигая сумку с соседнего стула.

Он сел, достал тетрадь, ручку, пару раз щёлкнул ею и, бросив взгляд на её книгу, улыбнулся:

— Классика жанра: пока ждёшь приёма — делаешь вид, что не слышишь все обсуждения родов вокруг.

— Это не обсуждения родов, — заметила Анна. — Это аудиосериал «мой муж — мой герой/мой враг».

Егор тихо рассмеялся.

— Ну да, первый сезон «Беременные и их мужчины», — подхватил он. — А вы, получается, в каком сезоне?

— Спин-офф, — сухо ответила она. — Там, где мужчина снялся с проекта.

Он вскинул брови, но не полез с расспросами. Вместо этого кивнул на её карту.

— К Кириллу Сергеевичу? — спросил.

— Да, — кивнула Анна. — А вы откуда его знаете?

— Я тут практику прохожу, — он кивнул в сторону коридора. — Хожу за ним хвостом, делаю умный вид и иногда правда чему-то учусь. Строгий у вас врач.

— Не то слово, — буркнула Анна. — Вежливый тиран.

— Зато все живы, — философски заметил Егор. — Это уже не худший вариант.

Она невольно улыбнулась.

— Вы что, всех пациенток так развлекаете? — спросила.

— Только тех, кто не смотрит на меня как на потенциаль-

ного убийцу, — серьёзно ответил он. — Вон та женщина, — он кивнул на дальнюю, — уверена, что я перепутаю ей анализы и не туда поставлю галочку.

Он наклонился ближе, понизив голос:

— Я вообще на психфак хотел, но меня зачем-то определили на акушерство. Видимо, решили, что женщины с гормонами — это и есть лучший тренажёр психики.

Анна снова усмехнулась. Лёгкость Егора была почти неприличной на фоне всех её недавних драм. Но именно поэтому она вдруг почувствовала, как напряжение в плечах чуть отпускает.

— А вы что за жанр? — спросил он. — В смысле, кто по жизни?

— Пока что — пациентка с рекомендацией «меньше нервничать», — ответила она. — А так… дизайнер. Верстала рекламу, пока меня не положили.

— Дизайнер, — уважительно протянул он. — Это круто. Я вообще в художники когда-то метил, а теперь вот — подписи в карточках ставлю.

Он смотрел на неё не как на «бедную беременную», не с жалостью, не с любопытством, а просто как на нормального человека. Это было странно непривычно.

— Анна Сергеевна? — позвали из кабинета.

Она вздрогнула, поднялась.

— Ну, удачи вам, — сказал Егор. — Если что, я тут ещё пару недель буду торчать. Могу в очередь вам чай из авто-

мата приносить. Почти волонтёр.

— Буду иметь в виду, — кивнула она.

Она зашла в кабинет к Кириллу с неожиданно лёгкой головой.

В кабинете всё было так же: стол, монитор, стул напротив, на котором она уже чувствовала себя почти «завсегдатаем».

— Как вы? — спросил он, просматривая её последние анализы.

— Жива, читаю, ругаюсь с мамой, — перечислила она. — Встретила вашего студента — теперь знаю, что вы тиран.

— Егор, — без подсказки понял он. — Не слушайте его, он драматизирует.

Он поднял глаза:

— Давление лучше, пульс тоже. Вы режим соблюдаете?

— Почти, — призналась Анна. — Иногда чувствую себя овощем.

— Овощи в нашем случае — комплимент, — сказал он. — Нам нужен максимально спокойный организм. Всё лишнее — потом.

— «Всё лишнее» — это работа, личная жизнь, нервная система и сон? — уточнила она.

— В этом списке нет ребёнка, и это главное, — спокойно ответил он.

Она вдруг поняла, что впервые за многие недели ей не нужно защищать своё решение. Ни перед кем.

Не объяснять, не оправдываться, не доказывать, что она

«не дура».

Просто быть человеком с ребёнком, за которого они вдвоём отвечают.

Когда она вышла из кабинета, Егор всё ещё сидел в коридоре, на этот раз уже один, листал что-то в телефоне.

— Ну что, тиран был милостив? — спросил он.

— Сказал, что я почти овощ, — ответила Анна. — Это, оказывается, комплимент.

— Тогда я вам искренне завидую, — ухмыльнулся он. — Я пока максимум сорняк.

Он поднялся.

— Слушайте, — вдруг сказал он, — а вы ходите куда-нибудь, кроме этой чудесной поликлиники? Кино, кафе, прогулки — такое вот всё?

— Мне вообще-то постельный режим назначен, — заметила она.

— Ладно-ладно, не бейте, я не предлагаю вам марафон бежать, — поднял он руки. — Просто… если вам когда-нибудь захочется сменить декорации с «очередь в женской консультации» на что-нибудь менее токсичное, — он запнулся, — я тут рядом учусь. Могу составить компанию. Без героизма, просто прогулка до ближайшего парка.

Она посмотрела на него — на этого слишком молодого, слишком лёгкого парня с живыми глазами — и поймала себя на том, что внутри что-то отзывается. Не как «влюблённость», не как новая надежда. Скорее как мысль:

«Может, не всё вокруг — про Олега и предательство».

— Посмотрим, — сказала она. — Я пока только учусь не падать при переходе из сидячего положения в стоячее.

— Начнём с этого, — кивнул он. — А там, глядишь, дойдём и до парка.

Она пошла к выходу, чувствуя на себе его взгляд, и впервые за долгое время заметила, что мир снаружи — не только коридоры больниц и сцены расставаний.

Где-то рядом всё ещё был её незримый фронт: мама, которая не сдалась с идеей «клиники получше», молчание Олега, шепотки знакомых в чатах.

Но в этом новом, немного перекошенном мире появилось две устойчивые точки: строгий врач, который говорит правду, и слишком лёгкий студент, который шутит, как будто ничего страшного не происходит.

Анна ещё не знала, кто из них принесёт ей боль, а кто — опору. Но знала главное: она больше не откажется от себя и от ребёнка, даже если весь остальной мир решит, что это «неразумно».

А значит, сюжет уже пошёл не по тому сценарию, который ей пытались навязать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.